

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

## Этиология

## лидерства

- А. Технически-административные причины возникновения
- Б. Психологические причины возникновения
- В. Интеллектуальные причины возникновения

# А. Технически- административные причины возникновения

## ГЛАВА I. Введение: необходимость организации

Невозможно помыслить демократию без организации. Для объяснения этого тезиса достаточно нескольких слов [26].

Класс, который выдвигает определенные требования к обществу и стремится воплотить в жизнь целый комплекс идеалов и порожденных им идеологий, возникающих из исполняемых этим классом экономических функций, нуждается в организации как на политическом, так и на экономическом уровне. Организация – единственное условие для возникновения общей воли. Организация, базирующаяся на принципе минимальных затрат усилий, – оружие, данное слабым в их борьбе против сильных, которое может быть использовано только в области солидаризирующихся интересов[27]. Социал-демократы – самая фанатичная партия организационного мышления. Они приводят аргументы, совпадающие с результатами научных исследований жизни политических партий: теория анархо-индивидуализма подвергается критике потому, что главная цель предпринимателей состоит лишь в том, чтобы внести разлад в ряды пролетариата.

В эпоху, пронизанную духом кооперативизма настолько, что даже миллионеры убеждены в необходимости согласованных действий и совместной работы, организация стала жизненным принципом рабочего класса, без которого тактические успехи какого бы то ни было рода а priori исключены. В такое время отказ рабочих принимать участие в общественной жизни своего класса становится по-настоящему опасным. Пролетарий культурно, физически, экономически, физиологически – слабейший член нашего общества[28]. Фактически тот, кто принадлежит к рабочему классу, оказывается брошенным на произвол судьбы перед деспотизмом сильнейших. Лишь когда пролетарии группируются и формируют четкую структуру внутри своей группы, они способны на политическое сопротивление и приобретают социальную значимость. Значимость рабочего класса заключается исключительно в его численности. Чтобы доказать свое численное превосходство, нужно провести подсчет, а для этого необходим порядок. Организационный принцип, таким образом, должен рассматриваться как неотъемлемое условие социальной

борьбы масс.

Однако политически необходимый организационный принцип, который избегает Сциллы неорганизованности масс, играющей на рук противнику, обнаруживает в себе все опасности Харибды. На самом деле организация – источник, в котором берут начало потоки консерватизма, чтобы впоследствии стать причиной разрушительных наводнений в долине демократии.

## ГЛАВА II. Механическая и техническая неосуществимость прямого правления масс

Рейнский демократ Мориц Риттингхаузен предложил гениальную систему, пытаясь создать основу для прямого участия народа в законодательном процессе[29]. Все население следовало разделить на сектора приблизительно по 1000 человек в каждом, как это было на выборах в Пруссии в 1848 и 1849 годах. Каждый сектор должен собраться в определенном месте – в школе, ратуше или любом другом общественном помещении и избрать председателя. Каждому гражданину обеспечена свобода слова. Таким образом, разум каждого индивида должен пойти на пользу отечеству. По окончании обсуждения каждый объявляет свое решение. Председатель передает результаты главе администрации, который, в свою очередь, передает их вышестоящим инстанциям. Решающей оказывается воля большинства.

Законопроекты не предлагаются вовсе. Этот порядок не предполагает никаких других перспектив, кроме как возможность узнать, что в определенный день об определенной проблеме могут сказать представители всех избирательных секторов. А если конкретное число граждан требует принятия нового закона в связи с какой бы то ни было проблемой или требует пересмотра уже существующего закона, соответствующее министерство обязано в течение определенного срока призвать граждан воспользоваться своей суверенностью и самостоятельно сформулировать необходимый закон[30]. Закон становится естественным результатом дискуссии. Председатель открывает обсуждение главного вопроса. Затем переходят к обсуждению второстепенных проблем, после чего следует голосование. Принимается предложение, набравшее наибольшее количество голосов. После того как все данные о процессе голосования передаются в министерство, специальная комиссия составляет ясный и простой текст законопроекта, который не должен допускать множественных интерпретаций, как те законы, что принимают современные правительства: они как будто намеренно поощряют склонность юристов к двусмысленности, издевательски замечает Риттингхаузен.

Проект этой системы ясен и убедителен и на первый взгляд кажется, что он не может встретить никаких возражений при практическом применении. Однако практические результаты не соответствовали ожиданиям автора.

Прямое самоуправление посредством коллективных народных решений – образец демократии – действительно ограничивает распространение принципов делегирования, однако не защищает от возникновения олигархической власти. Оно лишает правителя его должностного статуса, так как места функционеров теперь занимает масса, но масса как раз благодаря своим особым свойствам не столько находится под воздействием власти народных ораторов, сколько облегчает лидеру возможность манипулировать слушателями вопреки их воле. Ее устройство не предполагает исчерпывающего обсуждения или серьезных высказываний[31]. Массой управлять куда проще, чем небольшим кругом слушателей, так как одобрение с ее стороны куда более бурное, простое и беззаветное и она, поддавшись порывам, не допустит возражений со стороны меньшинства и уж тем более со стороны индивида. Большая масса людей, собравшаяся в одном месте, друг подле друга, весьма подвержена паническому страху, бессмысленному воодушевлению и т. д., куда больше, чем небольшая группа людей, способных на серьезный разговор[32]. Это эмпирический факт: огромные народные сборища, к которым относятся и некоторые партийные съезды, через возгласы одобрения или шумное голосование склонны принимать решения, которые были бы приняты с большой осторожностью, если бы эта толпа была разделена на небольшие группы по 50 человек. Толпа говорит и действует без малейших колебаний в отличие от составляющих ее людей, взятых по отдельности. Это неоспоримый факт, относящийся к патологии массы, который подробно описали французские и итальянские социологи [33]. В толпе растворяется индивидуальность, а вместе с ней личность и чувство ответственности[34].

Однако решающий аргумент против суверенитета масс заключается в его механической и технической неосуществимости.

Независимые массы не способны принимать даже самые необходимые решения самостоятельно. Несостоятельность прямой демократии, как и состоятельность не прямой, следует из численности. В споре с Прудоном (1849) Луи Блан задал вопрос: могут ли 34 миллиона человек (на тот момент это все население Франции) решить свои проблемы без того, без кого не может обойтись даже самый мелкий коммерсант, – без посредника? И сам же ответил: тот, кто ответит утвердительно, – сумасшедший, тот, кто ответит отрицательно, – вовсе не враг государства [35]. Тот же вопрос и тот же ответ актуальны для организации политических партий и сегодня. Особенно это касается крупных индустриальных центров, где рабочие партии подчас насчитывают сотни тысяч членов. Уже невозможно представить работу этого огромного организма без исполнительной системы. Социал-демократический Большой Берлин, включающий шесть избирательных округов Берлина, а также оба округа Нидербарним и Тельтов-Беесков-Шарлоттенбург, насчитывает около 90 тысяч зарегистрированных членов[36]. Очевидно, что на практике невозможно организовать столь огромную массу людей для прямого принятия постановлений. Регулярное проведение совещательных собраний численностью даже в 1 тысячу человек наткнулось бы на множество препятствий, среди которых проблемы с помещениями, дистанциями и т. д.; подобное собрание численностью в 10 тысяч человек и вовсе физически неосуществимо. Как можно собрать такую толпу людей в одном месте в определенное время, даже если допустить существование отличной системы коммуникации? К тому же от естествоиспытателей нам известно, что сил оратора даже с самыми выдающимися голосовыми данными не хватит на аудиторию, превышающую 10 тысяч человек [37]. Прямое

самоуправление в больших группах недостижимо и по административным причинам другого рода. Когда Жак обижают Пьера, все французы не могут прибежать сломя голову, чтобы увидеть все своими глазами и защитить Пьера[38]. Точно так же и в современных политических партиях общественность не может разрешить проблемы, возникшие в ее недрах.

Так возникает потребность в депутатах, выступающих от имени массы и призванных облегчить осуществление ее воли. Даже в тех группах, которые больше других вдохновлены духом демократии, все дела, подготовка и применение важнейших мер предоставлены кому-то одному.

Изначально руководитель был лишь слугой масс. В основе организации лежало равноправие всех участников этой системы. Это в первую очередь всеобщее равенство, равенство равных. В некоторых странах, например в идеалистической Италии (или в некоторых немногочисленных землях Германии, где политические движения еще находятся на начальном этапе развития), равенство выражается в том, что все члены организации обращаются друг к другу на «ты»; самый бедный поденщик говорит одаренному философу «ты», как равному. Но затем под равенством также стали понимать равенство однопартийцев. Все члены организации имеют на нее одинаковые права. Принципы демократического устройства партии гарантируют максимальному числу ее членов равную возможность участия и влияния на ход общего дела. Каждый может выбирать, каждый может быть избранным. Теоретически основной постулат прав человека реализован. Все назначения происходят путем выборов. Чиновникам отведена подчиненная роль органов принудительного исполнения воли масс, они находятся в постоянной зависимости от общественности и в любой момент могут быть отстранены или заменены. Рядовые члены партии обладают всей полнотой власти над своими руководителями.

Сначала преобладают попытки подчинить своих депутатов воле масс и держаться как можно ближе к чистой демократии. На заре движения итальянских сельскохозяйственных рабочих руководителю союза, чтобы быть избранным, необходимо было набрать четыре пятых от всех голосов. При дифференциации заработной платы на предприятии, перед тем как начать переговоры, представитель союза должен был озаботиться получением доверенности, на которой каждый из членов организации личной подписью подтверждал свое согласие с действиями депутата. В то же время список всех членов организации всегда находился в открытом доступе, по двум причинам: во-первых, чтобы среди масс не распространялось недоверие к руководству, «тот яд, что со временем подорвет самый сильный организм»; во-вторых, для того, чтобы члены организации могли научиться вести учет самостоятельно и в ходе совместной работы в профсоюзе получали знания, благодаря которым они позже смогут занять места руководителей организации [39]. Очевидно, что подобные правила демократии применимы лишь в очень маленьких группах. На заре английского профсоюзного движения в некоторых союзах депутаты избирались из списка членов организации в порядке прямой очередности или путем жеребьевки [40]. На более поздних этапах, когда количество задач увеличилось и требовалось все больше индивидуальных навыков, ораторских способностей и всевозможных профессиональных знаний, стало невозможно руководствоваться слепой случайностью алфавитного списка или порядком старшинства для составления делегации, представители которой должны были

обладать индивидуальными способностями, бывшими не у всех.

Необходимо отметить, что сегодня подобные методы грозят превратиться в свою противоположность. Развитие современных политических групп все больше свидетельствует о жесткой схематизации до сих пор оставшегося естественным процесса превращения из управляемого в управляющего. Все громче звучат запросы на официальную штамповку руководителей, крики о том, что необходимо принять меры по формированию группы профессиональных политиков, опытных и компетентных политических специалистов. Фердинанд Тённис ратует за введение партийных экзаменов для создания предвыборного списка кандидатов от социал-демократов, а также для выбора кандидатов на должность секретаря партии[41]. Генрих Херкнер идет еще дальше. Он задается вопросом, как члены больших профсоюзных организаций в долгосрочной перспективе способны найти общий язык с теми, кто ушел из профессии и продвигался по лестнице практической профсоюзной службы; при этом Херкнер упоминает и союзы работодателей, которые по большей части работают с кадрами, получившими высшее образование. Поэтому, по его мнению, в ближайшем будущем с обособленностью пролетариев будет покончено, а предпочтение будет отдано тем, кто получил образование в сферах народной экономики, юриспруденции, технологии или коммерции [42].

Уже сейчас кандидата на должность рабочего секретаря профсоюза подвергают испытаниям для того, чтобы определить его способности к ведению корреспонденции, а также степень его юридических знаний. Политические рабочие союзы тоже весьма озабочены тем, чтобы самостоятельно контролировать образование своих сотрудников. Повсюду возникают «питомники», которые в скором времени могут обеспечить политические организации «научно подкованными» работниками. В Берлине с 1906 года существует партийная школа, в которой организованы образовательные курсы для партийных и профсоюзных деятелей. Все частные расходы на содержание студентов этих полугодовых курсов, а также рабочие расходы самой школы берет на себя партия или профсоюз, направляющие студента на обучение. Кроме того, региональные или районные отделения партии выплачивают семьям слушателей этих курсов денежные компенсации в течение всего времени, пока их кормилец не может заниматься оплачиваемой работой. В третьем наборе школы, в период с 1 октября 1908 года по 3 апреля 1909 года, в общей сложности обучались 26 студентов (в первом – 31, во втором – 33). Предпочтение отдается кандидатам, которые уже состоят в партии или профсоюзе[43].

В Италии в 1905 году миланская социалистическая организация L'Umanitaria организовала Практическую школу социального законодательства, целью которой было обучение определенного количества рабочих, готовых занять вакантные места в государственной промышленной инспекции, профсоюзных организациях и картелях, рабочих страховых обществах или на биржах труда[44]. Процесс обучения занимает два года и завершается выпускным экзаменом и присуждением удостоверения о квалификации. В 1908 году школу посещали 202 ученика, из них 37 работников профсоюзов и кооперативов, 4 руководителя трудовых бирж, 45 рабочих свободных профессий и 112 рабочих[45]. В Турине в 1909 году по тому же образцу и для тех же целей местным профсоюзным картелем была организована похожая школа (Практическая школа культуры и социального законодательства). В Англии профсоюзы и кооперативы пользовались услугами колледжа Рескина в Оксфорде, отправляя

особо одаренных аспирантов в университет для подготовки к работе по профессии[46]. В Австрии партийные школы организованы по немецкому образцу. Однако нельзя упускать из виду, что все эти образовательные институты для партийных и профсоюзных работников призваны лишь искусственно увеличивать процент рабочей элиты и через создание касты кадетов из числа желающих управлять рядовыми членами профсоюзов, что в итоге лишь усиливает влияние руководящей власти внутри партий. Необходимая техническая специализация, в которой нуждается любая многочисленная организация, порождает потребность в так называемом профессиональном управлении, в результате все обязанности масс переходят исключительно к руководителю[47]. Партийные лидеры, которые были лишь исполнительным комитетом воли масс, становятся самостоятельнее и, как следствие, отделяются от массы.

Организация всегда подразумевает тенденции к олигархизации. В сути любой организации (будь то партии, профсоюза и т. д.) таится склонность к аристократии. В процессе создания прочной структуры механизм организации приводит к серьезным переменам в организованных массах. Он превращает отношение руководителя к массе в его полную противоположность. Организация окончательно разделяет любую партию или профсоюз на ведущее меньшинство и ведомое большинство.

Отмечено, что на низших ступенях развития человеческой культуры преобладает тирания. Демократия же возникает позднее, по мере достижения более развитых этапов социальной жизни. Свободы, то есть привилегии и возможность принимать участие в происходящем, доступны лишь немногим. Одна из особенностей Нового времени состоит в расширении этих привилегий для все более широкого круга людей. Это называется эрой демократии. Но в сфере партийной жизни демократия, продолжая развиваться, движется в обратную сторону. С развитием организаций демократия постепенно деформируется. Ее развитие можно изобразить в виде параболы. Сейчас, по крайней мере в партийной жизни, она находится в стадии убывания. Мы можем вывести правило: власть руководителя партии растет в той же степени, в которой расширяется партийная организация. Различные степени власти, которой обладают руководители партий или профсоюзов в разных странах, наряду с этническими и индивидуальными причинами по большей части зависят от уровня их организационного развития.

Партийная организация, до тех пор пока она имеет прочную структуру (не важно, идет речь о демократическом государстве, политической партии или рабочем профсоюзе), – это весьма благотворная среда для возникновения дифференциаций. Чем шире и разветвленнее становится управленческий аппарат, то есть чем больше членов вступают в организацию, чем быстрее пополняется казна и чем влиятельнее становятся органы печати, тем быстрее вытесняется власть народа, а на смену ей приходит неограниченная власть комитетов [48]. Повсюду распространяются непрямые выборы – тот тип выборов, против которого на уровне государственной жизни чаще всего ведется партийная борьба, несмотря на то что на тесный круг партийной жизни они оказывают куда более пагубное влияние, чем на широкие просторы государства. Даже на конгрессах, которые представляют собой десятикратно уменьшенную копию партии, обсуждение всех важных вопросов выносятся в кабинеты и кулуары.

С развитием организации не только растет количество задач руководства, но и сокращается прозрачность его работы, круг обязанностей становится шире и многообразнее. Наряду с количеством качество выполнения задач также усиливает дифференциацию. Формально в соответствии с программой партии действия всех руководителей подчиняются неустанному надзору подчиненных. Но в реальности чем больше растет организация, тем иллюзорнее становится контроль. Рядовые члены партии все чаще вынуждены отказываться от участия в принятии решений, касающихся управления, или хотя бы контроля за их исполнением. Теперь они вынуждены поручать выполнение своих обязанностей нанятым для этих целей доверенным лицам, зарплатным функционерам, и довольствоваться обзорными докладами или рекомендациям ревизоров. Сфера демократического контроля становится все уже. Во всех социалистических партиях мы наблюдаем, как функции, которые прежде выполняли избираемые комиссии, теперь переходят к членам правления. Воздвигается сложная постройка с запутанной планировкой. Компетенции разделяются – применяется принцип разделения труда – и делятся снова. Возникает строго разграниченная бюрократическая система с множеством инстанций. Точное выполнение инстанциями своих обязанностей – пункт № 1 в катехизисе партийного порядка. Иерархия – следствие технических потребностей и важнейшее условие налаженной работы партийной машины[49].

В этом случае движение политической партии к олигархической бюрократии практически и технически необходимо, это неизбежное следствие организационного принципа. Даже радикальное крыло социал-демократической партии не может ничего поделать с этим вырождением. Таким образом, демократия – это всего лишь форма. Нельзя, однако, ставить форму выше содержания[50].

Институт управления существовал во все эпохи, на всех этапах развития и во всех видах человеческой деятельности. Никто не обходился без руководителя[51]. Сегодня можно услышать, особенно в ортодоксальном крыле социал-демократов, что у социал-демократии нет руководителя, в худшем случае лишь должностное лицо; конечно, это сокрытие истины не может изменить социальные законы, напротив, выдвигая это положение, они отвлекают внимание масс от реальной опасности, которая грозит демократии, и способствуют укреплению власти лидера.

По техническим и административным причинам крепкой организации необходимо сильное лидерство. До тех пор пока система расшатана, профессиональное лидерство не возникнет. У анархистов, испытывающих отвращение к любой устойчивой организации, нет штатных лидеров. На начальных этапах развития немецкой социал-демократии доверенное лицо (Vertrauensmann) занималось своей повседневной работой. Сегодня его все чаще заменяют профессиональные политики (Bezirksleiter – секретарь партии) и т. д. Чем жестче будет становиться структура организации с развитием современных партий, тем чаще случайных руководителей будут заменять профессионалы. Любому крупному партийному аппарату необходимо определенное количество людей, обслуживающих исключительно его. Массы делегируют управление небольшой группе, которая на доверительной основе представляет их интересы и занимается ведением дел.

Однако оформление профессионального лидерства знаменует собой начало конца демократии, поскольку система представительства логически невозможна как в случае

парламентаризма, так и в случае партийных делегаций. Родоначальником этих критических взглядов на демократию можно считать Ж.-Ж. Руссо, который рассматривал народное правление (суверенитет) как осуществление общей воли и делал следующий вывод: «...суверенитет... не может никогда отчуждаться и... суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представляем только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля... Как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет»[52]. Масса, которая делегирует свой суверенитет, то есть передает ее в руки нескольких человек, отрекается от своего суверенитета[53]. Воля народа не может быть передана кому-либо, подобно воле индивида. В смутные годы террора последователи «женевского гражданина» на практике перевернули его теорию с ног на голову, хотя теоретически она продолжала восприниматься ими как непреложная истина. Сам Робеспьер высказывался в ее поддержку, проводя тонкую грань между «представителем народа», не имеющим права на существование, так как «воля не может иметь представителя», и «поверенным народа, которому народ доверяет единоличную власть».

Опыт внимательного наблюдателя, изучавшего первые попытки применения представительной системы, помимо прочего помог уточнить и теорию пределов демократии. К середине прошлого века она была значительно дополнена, получила право считаться универсальной и, учитывая достижения эмпирической психологии, могла устанавливать определенные положения и нормы. Карло Пизакане, незаслуженно забытый теоретик итальянской национальной и общественной революции, в своих «Очерках о революции» (“Saggio sulla Rivoluzione”) описывал, как те, в чьих руках находится верховная политическая власть, по своей человеческой природе неизбежно подвержены страстям и потому физически и психически несовершенны. По этой причине вектор их политики и их политические решения естественным образом противоречат воле масс, которая представляет усредненное мнение индивидуальных взглядов, а потому должна оставаться свободной от любых влияний. Полагать, что правительство представляет общественное мнение и волю нации, – значит заменять *partem pro toto* [54]. «Делегирование абсурдно». Виктор Консидеран, современник и единомышленник Пизакане, шел по стопам Руссо: «Если народ делегирует свой суверенитет, он отказывается от него. Народ больше не управляет собой; им управляют... Давайте, делегируйте ваш суверенитет! И я гарантирую вам судьбу, обратную судьбе Сатурна [пожирающего своих детей]: ваш суверенитет будет поглощен вашей дочерью, Делегацией»[55]. Даже отец всеобщего французского избирательного права – выдающийся демократ Ледрю-Роллен пришел к убеждению, что необходимо устранить президентскую и парламентскую власть, а единственной допустимой формой проведения выборов должны стать народные собрания. Он объяснял это тем, что люди в течение года тратят так много драгоценного времени на праздники, выходные и безделье, что куда полезнее было бы потратить это время на «укрепление своей независимости, своего величия, своего достатка»[56]. Виктор Консидеран яростно критиковал теорию, согласно которой представительная система гарантирует народную независимость. Даже если допустить, что хотя бы в теории парламентаризм действительно тождествен власти масс, то на практике он все равно превратится в бесконечное мошенничество со стороны правящего класса. Поскольку корни и монархии, и демократии – в представительной системе, главное различие между ними формальное, а не содержательное. Вместо одного царя суверенный народ выбирает множество мелких царьков. Он не способен свободно и

самостоятельно воспользоваться своей властью и потому послушно позволяет лишиться себя своих основных гражданских прав. Единственное право, которое ему остается, – смехотворное право время от времени выбирать себе новых правителей [57]. Такое понимание представительной системы подкрепляется и политическими наблюдениями Прудона о том, что как только представители народа добиваются власти, они первым делом стремятся консолидировать и укрепить ее. Они предпринимают все новые и новые меры, чтобы сохранить свою власть, пока наконец не перестают полностью зависеть от народа. Это естественный путь развития любой власти: избранная народом, позже она возвышается над ним[58]. Эти идеи были особенно популярны в 40-е годы XIX века. Особенно глубоко ими прониклись французские продемократические социологи и политики. В начале XX века эта теория стала неотъемлемой частью самых разнообразных направлений анархизма и часто распространяется в весьма красноречивой и остроумной форме[59]. Даже Маркс и его последователи, которые в теории рассматривали парламентаризм как одно из множества своих орудий, но на практике пользовались только им, не могли не признать опасностей представительской системы, даже в том случае, если в ее основе было всеобщее избирательное право[60].

Эта проблема также была подробнейшим образом изучена итальянскими учеными консервативного толка. Моска писал о «фальши парламентской легенды». Он утверждал, что народное представительство, свободная и добровольная передача суверенности избирателей (большинства) некоторому числу избираемых (меньшинству), основывается на нелепом условии, согласно которому меньшинство накрепко связано с волей большинства[61]. На деле же, как только завершается процедура выборов, заканчивается и власть избирателей над депутатами. Делегат чувствует себя вправе управлять судьбами. Так и было. Если где-то в лоне масс еще и остались отдельные личности, оказывающие влияние на своих представителей, то это местные предводители, лидеры мнений в своем избирательном округе, а значит, и в местном отделении партии. Иными словами, эти люди, хотя и относились по своему социальному статусу к классу подчиненных, все равно составляют часть правящей олигархии[62].

Важно, чтобы критика представительной системы была услышана и воспринята именно сегодня, когда политическая жизнь с каждым днем приобретает все более сложную форму. В условиях современной дифференцированной политической и экономической жизни все более абсурдным выглядит желание представлять разнородную массу и множество ее проблем. Представлять – значит выдавать волю одного за всеобщую [63]. Это возможно в единичных случаях: при обсуждении четко сформулированных и простых вопросов и при условии непродолжительного срока действия депутатских полномочий. Продолжительное представительство всегда означает власть представителя над представляемым.

## ГЛАВА III. Современная демократическая партия как воинствующая партия войны

Людовик XIV великолепно понимал искусство управления, как никто другой до или после него, особенно в начале своего царствования, когда был молод. В своих мемуарах 1666 года он установил следующие важнейшие правила, предназначенные для всех руководящих ведомств и в особенности для военной администрации: «Решения должны быть быстрыми, дисциплина – строгой, командование – единым, подчинение – сиюминутным и беспрекословным»[64]. Перечисленные королем-солнцем требования к оперативности принятия решений, согласованности отдаваемых приказов и строгости дисциплины применимы и к современной политической жизни, участники которой находятся в состоянии потенциальной войны, *mutatis mutandis*.

Современная партия в политическом смысле – это боевая организация. В качестве таковой она должна подчиняться законам тактики. И первое правило этого закона – постоянная боеготовность (*Schlagfertigkeit*). Это осознавал еще основатель социалистической революционной партии Фердинанд Лассаль, когда выступал за то, что существующая в его союзе индивидуальная диктатура должна быть полностью оправдана в теории и непреложна на практике. Рядовые члены партии должны беспрекословно следовать за своим лидером, а весь союз должен стать молотом в руках своего президента. Это была политически необходимая заповедь. В первые годы нового, беспомощного рабочего движения это был единственный способ добиться внимания со стороны буржуазных партий. Централизация гарантировала оперативность принятия решений. Гарантировала и продолжает гарантировать. Большая организация уже сама по себе довольно неповоротлива. Даже если растолковывать массам лишь приблизительную суть насущных вопросов, которые требуют принятия быстрых решений, будет потрачено слишком много времени, а демократия в своей изначальной форме станет невозможной. В этом случае она обернется лишь чередой упущенных возможностей и бесконечным переносом решений, а политические партии утратят способность к совместной работе и необходимую политическую гибкость. Воинствующая партия, пусть она и ведет только одну маленькую войну, нуждается во внутренней иерархии. Без нее партия станет подобной аморфному племени аборигенов, армия которого терпит поражение от всего одного дисциплинированного батальона вымуштрованных европейских солдат.

Только определенная степень цезаризма гарантирует быструю передачу и своевременное выполнение приказов в ходе ежедневной борьбы. Голландский социалист ван Коль открыто заявляет, что введение принципов настоящей демократии возможно только после того, как борьба окончена. В ходе борьбы социалистическому правительству нужны авторитет и сила, достаточная, чтобы сохранить свою власть. Иногда необходим и деспотизм. Императиву стремительных действий подчиняется даже свобода. Повиновение масс воле немногих – одна из величайших добродетелей демократии. «Мы обещаем верой и правдой служить тем, кто призван вести нас, мы говорим им: вы, что удостоились чести быть избранными народом, покажите нам путь, а мы будем следовать за вами»[65]. Подобные слова раскрывают всю суть современных политических партий. В партии, к тому же политической, к тому же ведущей борьбу, демократия не предназначена для «внутреннего пользования». Любой политической организации необходимо лишь легкое вооружение, которое не будет сковывать движений. Демократия совершенно несовместима с боеготовностью. Отсюда и враждебность к референдумам и прочим мерам на страже реального народовластия и необходимость партийной конституции, пусть и не всегда цезаристской, но в меру

олигархической и централистской. Лагардель добавляет к этой картине последний штрих: «Для использования пролетариата они обращаются к капиталистическим инструментам господства; они построили такое же жесткое правительство рабочих, как буржуазное правительство, такую же неуклюжую бюрократию рабочих, как и буржуазная бюрократия, центральную власть, которая говорит рабочим, что они могут и что не могут делать, которая уничтожает всю независимость и инициативу членов профсоюза и которая иногда должна внушать ее жертвам тоску по капиталистической власти» [66].

Тесная связь воинствующей демократической партии с военной организацией отражена в социал-демократической терминологии, которая, особенно в Германии, в значительной степени заимствована из военной науки. В языке военной тактики или стратегии едва ли существуют выражения, которые не мелькали бы в передовицах газет социал-демократов[67]. Тот факт, что в ведении боя используется в основном тактика Фабиа Кунктатора, а предпочтение отдается так называемой стратегии измора, объясняется особыми условиями, которые мы рассмотрим ниже. Еще одним доказательством тесной связи между устройством политической партии и военного ведомства служит страстный интерес некоторых верховных партийных руководителей социал-демократов к военным вопросам. Пристрастие лидеров социал-демократии к милитаризму действительно ошеломительно. Живущий в Англии коммерсант Энгельс, добровольно отслуживший год гвардейцем, в часы досуга развлекается тем, что занимается социалистической и военной теорией[68]. Сыну унтер-офицера Бебеля надо отдать должное за огромное количество новаторских военных идей, у которых нет ничего общего с теоретическим антимилитаризмом социалистов[69]. Бебеля и особенно Энгельса сейчас можно назвать военными писателями. Эта тенденция не случайна. Напротив, она коренится в избирательном средстве.

# Б. Психологические причины возникновения

## ГЛАВА I. Общее право делегировать

Делегирование ведет к возникновению у представителя ощущения морального права на делегированную ему власть. Избранные однажды остаются на своем посту навсегда, если только им не помешают строгое соблюдение уставов или чрезвычайные обстоятельства. Их избрание для достижения конкретной цели превращается в пожизненное назначение. Привычка становится правилом. Лидер, избираемый регулярно на протяжении определенного времени, воспринимает делегируемую ему на время власть как свою собственность. Если в какой-то момент ему будет в этом отказано, он тотчас начнет угрожать репрессивными мерами, среди которых самая безобидная – прошение об отставке. Его товарищи по партии, таким образом, оказываются в полнейшем замешательстве. Это замешательство, однако – ниже будет объяснено почему, – почти всегда заканчивается победой лидера партии.

Прошение об отставке, если оно не подписано добровольно и не является выражением разочарования или негодования (непринятие кандидатуры в бесперспективных округах), в большинстве случаев служит средством захвата, сохранения и укрепления власти. Даже в больших политических организациях лидеры часто обращаются к использованию этой хитрости, разоружая своих противников благоговейным почтением, которое не лишено привкуса благочестивой демократии. Противник вынужден проявлять в ответ еще большее почтение, особенно когда лидер, использующий этот метод, действительно незаменим или рассматривается массами как незаменимый. История прусско-немецкого государства богата примерами того, как эффективен этот макиавеллиевский прием для сохранения власти. В сложное время перехода от династии к династическому конституционализму, связанному с именем Лудольфа Кампгаузена, король Пруссии Фридрих Вильгельм IV, каждый раз чувствуя превосходство чуждых ему либеральных идей над романтически-консервативными, грозился отречением от престола. Эти угрозы ставили либералов перед сложным выбором: отречение короля означало бы воцарение принца Вильгельма Прусского, известного своими радикально реакционистскими настроениями, а значит, и угрозу революционных восстаний среди низших слоев населения; сохранение королевской власти означало бы вынужденный отказ от всех либеральных устремлений. Таким образом, Фридриху Вильгельму удавалось стоять на своем и разбивать все планы своих оппонентов [70]. Приблизительно 35 лет спустя князь Бисмарк, настаивая на той же необходимости, обеспечил себе единоличную власть над объединенной Германской империей за счет того, что бесконечно обращался к королю Вильгельму I с прошениями об отставке. Как только пожилой король пытался высказать собственную волю, Бисмарк умирал его рассказами, в

какой хаос погрузится империя в вопросах внешней и внутренней политики с отставкой ее основателя, а королю уже не по плечу справиться с ними в одиночку[71]. Нынешний президент Бразильской республики обязан своим положением тем же самым угрозам, которые он высказывал, еще будучи министром[72].

И так во всех политических партиях. Когда Фальтайх выносил свои предложения по реформированию партийного устава и вызвал этим гнев президента Лассалья, тот, осознавая собственную незаменимость, тут же поставил весь союз перед выбором: либо вы избавите меня от претензий подобного рода, либо я уйду[73], тем самым ему удалось с легкостью избавиться от неудобной критики. Те же методы использовал и современный голландский Лассаль – Трульстра, – в итоге подчинив себе всю партию. Ссылаясь на то, что лучше бы он посвятил себя личной жизни, он то и дело отказывался продолжать работу в партии, говоря, что устал от бесконечных партийных споров, которые противоречат его идеализму[74]. В партийной истории итальянского социализма угрозы отставки также стали обычным делом: как только чьи-то личные взгляды на важные политические вопросы, например отношение к всеобщей забастовке, переставали совпадать со взглядами партийного большинства или если одного чиновника не устраивали результаты голосования партийного совета. Иногда угрозы заканчивались реальными увольнениями, в таких случаях на народном голосовании отставной кандидат избирался заново, при этом он позиционировал себя единственным компетентным представителем власти и, таким образом, снова оказывался восстановленным в правах[75]. Этот только на первый взгляд демократически прекрасный жест на самом деле скрывает породивший его дух авторитаризма. Лидер, который выносит на голосование вопрос о доверии ему, как кажется, полностью рассчитывает на доверие своих избирателей, но на самом деле он оказывает на них давление и убеждает в собственной мнимой или действительной незаменимости, с которой их принуждают смириться [76]. Руководители редко признают, что своими угрозами отказа от должности они преследуют конкретную цель – завоевать безраздельную власть над массами[77]. Если верить их словам, такое поведение доказывает их верность духу демократии, тонкое чутье, порядочность, внимание к голосу масс. Хотя на деле это лишь олигархическое присвоение воли масс.

## ГЛАВА II. Потребность масс в лидере

Весьма талантливый (хоть и непризнанный) французский драматург, который в свободное время занимался прозаическим изложением серьезных социальных проблем, Александр Дюма-сын однажды заметил, что любую прогрессивную идею на раннем этапе ее формирования не принимают 99 % людей. «Но, – продолжает Дюма, – это не имеет никакого значения, поскольку одна сотая, к которой принадлежим мы, с самого начала провела все реформы для девяноста девяти других, и они остались довольны, но тем не менее продолжают протестовать против реформ, что еще только предстоит провести». Далее Дюма добавляет: «Большинство – всегда свидетельство того, что есть», в то время как «меньшинство – это семена того, что будет» [78].

Не будет преувеличением сказать, что количество людей, обладающих гражданскими правами и стремящихся к всеобщему благу, очень невелико. Для большинства взаимосвязь

между личным и всеобщим благом не слишком очевидна. Большинство не осознает, как на состояние их собственных дел, их благополучие и жизнь влияют дела организации под названием «государство». Как остроумно отмечает Токвиль, их куда больше волнует «строительство дороги рядом с его земельным наделом» [79], а до общего устройства государственного управления или вопросов, которые решаются от их имени, им нет дела. Большинство вместе со Штирнером кричат государству: «Отойди, загораживаешь солнце!» Штирнер иронически насмехается над всеми, кто вслед за Кантом верит, что людям нужно рассказать о «священном долге» участия в делах государства. «Пусть занимаются политикой те, в чьих интересах перемена существующих порядков. “Священная обязанность” никогда не понуждает людей размышлять о государстве, так же как по “священной обязанности” никто не начнет заниматься наукой или искусством и т. д. Один только эгоизм может их к тому понудить, и эгоизм окажет свое действие, если обстоятельства значительно ухудшатся» [80].

Те же тенденции наблюдаются и в жизни современных демократических партий.

В принятии партийных решений участвует меньшинство, причем порой ничтожно малое меньшинство. Важнейшие решения, принимаемые от имени всей демократически настроенной партии, зачастую исходят от горстки ее членов [81]. Безусловно, отказ воспользоваться своими демократическими правами – решение добровольное, за исключением тех случаев, когда непричастность организованных масс к принятию решений (а это не такой уж редкий случай) вызвана географическими или топографическими препятствиями. В целом можно сказать, что ключевые решения принимаются городской частью организации, в то время как участие региональных членов в жизни партии ограничивается исполнением простых партийных обязанностей (оплата членских взносов, голосование в пользу выдвинутых городскими коллегами кандидатов). Здесь наряду с локальными взаимоотношениями играют роль и потребности тактического толка. Городские массы преобладают над региональными – это побочный продукт потребности быстрого принятия и исполнения решений, о которой мы говорили в предыдущей главе.

В больших городах в процессе спонтанной селекции выделяется узкий круг регулярных посетителей партийных собраний, тех, кто принимает непосредственное участие в принятии организационных решений. Он формируется из сознательных и склонных к привычкам людей, напоминающих церковных святош. Во всех странах этот круг довольно узок. Большинство членов политических партий относятся к партии с таким же безразличием, с каким большинство избирателей относятся к парламенту [82]. Особое отвращение – даже во Франции, стране с самой долгой историей политической культуры масс – они испытывают к решению административных и тактических вопросов, требующих постоянного контроля. Решение этих вопросов партийное большинство с радостью передает узкому кругу завсегдаев политических собраний. Большая борьба руководителей за умы (тактика) и власть внутри партии – марксизм, ревизионизм, синдикализм – не то чтобы непонятна им, скорее она вовсе им безразлична. Почти в любом государстве мы наблюдаем, как организованные партией собрания, на которых обсуждаются актуальные, сенсационные или животрепещущие темы – таможенные пошлины, жалобы на руководителей государства, русская революция – или, напротив, слишком общие темы – исследование Северного полюса, вопросы гигиены, спиритизм, – вызывают куда больше интереса, чем те, на которых

обсуждаются тактические или организационные внутренние вопросы, напрямую касающиеся партийной жизни[83]. Широкие партийные массы появляются на таких собраниях, только если им обещают выступление большого оратора, или если их привлекут громкими лозунгами «Долой хлебные спекуляции!», «Долой единоличную власть!», или же когда речь идет о научно-популярном докладе, приправленном движущимися картинками, волшебным фонарем или даже кинематографическими изображениями, так радующими глаз и привлекающими столько внимания[84] .

К этому стоит добавить еще кое-что: всегда и партийных собраний, особенно в небольших городах, – это, как правило, не пролетарии, не те, кто рано ложится спать, кто изможден работой, но всевозможные мелкие бюргеры, продавцы газет и открыток, коммивояжеры, молодые и пока безработные интеллектуалы, которым доставляет особую радость оригинально называться пролетариями, представителями класса будущего[85].

Жизнь партии очень напоминает государственную жизнь. В обоих случаях сдерживающим фактором является налогообложение, а не выборы. Существует избирательное право, но не существует обязанности избирателей. До тех пор пока вторая не заменит первое, есть вероятность, что лишь меньшинство сможет пользоваться правами, от которых добровольно отказывается большинство, и будет диктовать свои законы индифферентной массе. Так административная партийная жизнь в большинстве демократических политических организаций превращается в лестницу. На первой широкой ступени находятся региональные избиратели. Над ними ступень несоизмеримо меньшего размера, она составляет 1/ю или даже 1/30 от первой – на ней разместились региональные партийные члены. Выше еще меньшая группа регулярных посетителей партийных собраний. Над ними – группа функционеров, а еще выше (зачастую разделяющие обязанности с последними) – полдюжины членов исполнительного комитета. Объем власти находится в обратной пропорции к численности группы.

Большинство радуется, когда находятся люди, готовые вести за них все дела. Потребность в управлении, зачастую связанная с культом героев, безгранична среди масс, в том числе организованных масс рабочих партий. Всеобщий мизантропизм, о который в истории разбилось столько реформ, сейчас только растет. Его причины кроются во все более сложном разделении труда современной культурной жизни, а также в непрозрачности запутанных государственно-политических процессов. Непреодолимые различия в формальной структуре отдельных частей партийной системы особенно сильно ощущаются в народных партиях, что только усиливает потребность масс в управлении.

Эта растущая потребность обнаруживает себя во всех демократических партиях Европы, даже несмотря на незначительные национальные различия между ними, обусловленные индивидуальными историческими или национально-психологическими факторами. Немецкому народу, из которого ни в коем случае не следует исключать немецкий рабочий класс, присуща особенно сильная потребность в управлении, и потому они с точки зрения психологии – плодороднейшая почва для возникновения могущественной власти. Для этого у них уже есть все необходимое: психическая предрасположенность к подчинению, большие способности к дисциплине, одним словом – богатое наследие прусской муштры со всеми ее недостатками и достоинствами. Не следует забывать и об абсолютном доверии к

авторитету, которое зачастую оборачивается неспособностью к критическому мышлению[86]. Исключение в этом отношении составляют только жители Рейнской области [87]. Эту странную черту характера, угрожавшую духу демократии, в теории опознал Карл Маркс, когда предостерегал немецких рабочих от слишком строгого понимания партийной системы, притом что сам он был прирожденным партийным лидером и обладал всеми необходимыми для этого качествами. В письме Швейцеру, посвященном этой теме, Маркс пишет: «...в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство <...> его нужно прежде всего приучать к самостоятельности»[88] .

Политический абсентеизм масс в мирное время при определенных условиях может стать серьезным препятствием для руководства партии на пути к распространению своего влияния. Массы могут сбросить своего руководителя, в тот момент он решится приступить к активным действиям. Это относится к инсценировкам так называемых демонстраций. Во время партийного съезда австрийских социал-демократов в Зальцбурге в 1904 году доктор Элленбоген жаловался: «Я объясняю вам, я постоянно боюсь, когда партийное руководство предпринимает какие-либо действия. Невозможно вызвать интерес рабочих даже к тому, что они, казалось бы, должны осознавать. Мы обнаружили, что даже собрать хотя бы половину партии по вопросу критики военной программы решительно невозможно»[89]. Когда в Саксонии в 1895 году был принят закон о сокращении избирательного права, который ущемлял в правах сотни тысяч рабочих, лидеры социал-демократов безуспешно пытались мобилизовать движение за сохранение избирательных прав. Их попытка разбилась о безразличие масс. Пресса пестрила мобилизующими лозунгами. Разошлись миллионы листовок. В течение буквально двух дней были организованы полторы сотни митингов протеста. Но все впустую. Массовое движение так и не началось. Собрания, особенно в небольших городах, никто не посещал[90]. Руководители – как центральный комитет, так и региональные агитаторы – были в ужасе от спокойствия и безразличия масс, сломавших всю агитационную работу [91]. Абсентеизм стал результатом роковой ошибки руководства. Рядовые члены партии не ощущали важности потери, которая им грозила, потому что руководители не смогли внятно разъяснить им ее последствия. Массы настолько привыкли к управлению сверху, что руководители сначала должны были подготовить их к активным действиям. На неожиданные призывы со стороны руководства массы не реагируют.

Имманентное бессилие масс проявляется самым очевидным образом, когда в ходе битвы они лишаются своего лидера и в суматохе бегут с поля боя. Как муравьи возле разрушенного муравейника, массы лишены инстинкта реорганизации, им сразу необходимы новые предводители, которые смогли бы заменить собой потерянных. Провал многочисленных разогнанных забастовок и канувших в Лету политических движений объясняется очень просто: правительство своевременно позаботилось о том, чтобы революционные лидеры оказались за решеткой[92]. Из этого наблюдения родилась теория, что подобные движения – не что иное как искусственная поделка кого-то одного: так называемого подстрекателя и провокатора – и потому достаточно подавить одного, чтобы справиться со всем движением. Такая точка зрения стала особенно популярной в некоторых кругах узколобых консерваторов. Однако это лишь еще раз доказывает, что они совершенно не понимают внутренней природы масс. За редким исключением в таких движениях все происходит

естественно, а не искусственно. Естественно прежде всего само движение, на вершине которого находится руководитель, который к тому же вступает в эту борьбу не по собственной воле, а подчиняясь воле обстоятельств. Столь же естественна и гибель движения, когда масса лишается своего руководителя.

Потребность массы в руководстве, ее неспособность действовать без инициативы извне и сверху ложатся тяжелым бременем на руководителя. Лидеры современных демократических партий ведут вовсе не паразитическое существование. Их должность – вовсе не синекюра. Им приходится дорого платить за свою власть. Вся их жизнь отмечена бесконечным усердием. Усердная, последовательная, непрерывная агитационная работа социал-демократической партии, не пасующая перед неудачами, не останавливающаяся на достигнутом, успех которой не повторила пока ни одна другая партия, по праву вызывает восхищение со стороны ее критиков и оппонентов [93]. Деятельность профессиональных руководителей демократических союзов в высшей степени утомительна, физически изнурительна и, несмотря на разделение управленческого труда, очень сложна [94]. Они причастны ко всему, и, даже если хотели бы снять с себя часть обязанностей, их руки связаны. Претензии, которые им предъявляют, не имеют конца. Потребность масс в талантливых ораторах и громких именах – а в отсутствие последних хотя бы в депутатах, – не знает границ. На всех праздниках и юбилеях, которые так по душе демократическим массам, на предвыборных собраниях и празднованиях годовщин, со всех сторон на руководителей партии сыплются однотипные просьбы: пришлите нам депутата [95]. Наряду с этим руководители партии отягощены и литературной работой самого разного рода, и, так как все они разбираются в праве, они обязаны вести многочисленные судебные процессы, касающиеся дел партии. Высшее партийное руководство весьма отягощено своим почетным положением [96]. Аккумуляция функций – характерная черта всех современных демократических партий. В немецкой социал-демократической партии не редка ситуация, когда ее руководитель одновременно исполняет обязанности члена городского совета, члена земельного парламента и депутата рейхстага и при этом руководит газетой, профсоюзом или обществом взаимопомощи. То же самое мы наблюдаем в Бельгии, Голландии, Италии [97]. Из этого возникает слава и уважение по отношению к руководителю, его власть и влияние на массы крепнут: он всегда будет им необходим – но в этом же причина усталости, гнета и беспокойства, а для тех, кто не так силен, – ранней, преждевременной смерти [98].

## ГЛАВА III. Благодарность масс

Наряду с безразличием масс возникновение феномена политического лидерства обязано еще одному, отрадному с этической точки зрения моменту – благодарности масс к выступающим от их имени, к тому, кто зарекомендовал себя их защитником и поверенным, а также к тому, кто всячески страдал в роли партийного представителя масс. В то время как экономически незаменимое большинство партии, занимаясь своими повседневными делами, чувствовало себя в безопасности, они во славу всеобщей идеи часто подвергались преследованиям, гонениям и тюремному заключению [99].

Эти люди, снискавшие славу великомучеников, за свою самоотверженную работу требовали от масс лишь одной награды – благодарности[100]. Выражение этого требования можно найти и в партийной историографии [101]. Массы тоже чрезвычайно щедры на благодарность [102]. Если история от случая к случаю и предоставляет нам исключения из этого правила и массы оказываются переполнены черной неблагодарностью к ими же избранному руководителю, то можно быть уверенным: в основе этого процесса – драма ревности, ожесточенная, упрямая, демагогическая битва одного лидера против других, в результате которой одна партия захватывает власть над массами и принуждает их к «неблагодарности» к остальным партиям. Если не принимать во внимание эти сложные исключения, то зачастую массы переполнены благодарностью к своим предводителям и считают это своим «священным долгом»[103]. На практике этот священный долг проявляется только в том, как благодарное большинство до бесконечности передает право представительства человеку, к которому оно испытывает благодарность, другими словами, постоянно ставит его выше себя. Это весьма распространенная среди масс точка зрения: было бы ужасно «неблагодарно» заменить «заслуженного» руководителя новым[104].

## ГЛАВА IV. Потребность масс в благоговении

Часто демократические и народные – социалистические – партии так тесно отождествляют себя со своим лидером, что становятся его собственностью и принимают его имя. Так, в Германии в 60-е и в начале 70-х годов XIX века были лассалианцы и марксисты или в социалистической Франции практически до сих пор существуют бруссисты, аллеманисты, бланкисты, гедисты, жоресисты[105]. Однако эти личные наименования сегодня встречаются не так часто или, как в Германии, вовсе не используются по нескольким причинам. С одной стороны, количество членов партии и количество избирателей постоянно растут, партия становится все более массовой. С другой стороны, это связано с тем, что внутри партии царят олигархия и ревность ее лидеров друг к другу, которые возникают на месте упраздненной единоличной диктатуры, и в итоге сегодня в партиях попросту не найти сильных, выдающихся личностей [106].

Английский социальный антрополог Фрэзер выдвинул тезис о том, что сохранение государственного порядка и государственного авторитета в значительной степени обеспечивается суеверными представлениями народа, которые он, между прочим, называет «дурным средством для достижения благой цели». Одним из таких суеверных представлений Фрэзер считает распространенное мнение о том, что руководители всегда воспринимаются как люди высшего порядка[107]. Социальная история последних 50 лет указывает на то же явление: власть партийных лидеров над массами основывается помимо выделенных нами факторов на широко распространенном квазирелигиозном благоговении перед лидерами, точнее, перед их формальным воплощением, в то время как к их личностным качествам уважения значительно меньше.

Зачастую это преклонение подчиненных перед лидером носит латентный характер, то есть проявляется едва уловимо: в осторожных интонациях, с которыми произносятся имена почитаемых, безропотности, с которой воспринимаются все их слова, негодовании в ответ на любое сомнение в действиях руководства. В случае особого обаяния лидера или в секунды глубокого эмоционального напряжения латентная страсть резко превращается в настоящий пароксизм. Пылкие рейнцы в 1864 году встречали Лассалья как бога: на улицах были развешаны гирлянды. Юные девушки осыпали его цветами. Экипаж президента сопровождал целый кортеж. Выступления триумфатора, во многих отношениях выдающиеся, но вызывающие критику и исполненные самонадеянного шарлатанства, были встречены всеобщим нескончаемым, неограниченным ликованием. Это действительно были триумфальные шествия. В них было все. Были и триумфальные арки, и приветственные гимны, и торжественные приемы иностранных делегаций [108]. Лассаль был тщеславен «на широкую ногу». И как позже говорил Бисмарк, не проясненным для него остался вопрос, на ком должна была закончиться история немецкой королевской власти: на Гогенцоллернах или на Лассале [109]. Неудивительно, что из-за вышеописанной обстановки фантазия Лассалья была так взбудоражена, что незадолго до этого он мог восторженно поклясться своей невесте, что когда-нибудь станет избранным президентом немецкого народа и в карете, запряженной шестеркой белых лошадей, торжественно въедет в столицу империи [110].

В период формирования первых крестьянских союзов «фашио» на Сицилии (1892) крестьяне доверяли лидерам движения с почти религиозной преданностью. Они ассоциировали общественные вопросы с религиозными обычаями и приносили на демонстрации распятия вместе с красными флагами и транспарантами с цитатами Маркса. Выступления лидеров движения сопровождалась музыкой, факелами и цветными фонариками [111]. В знак приветствия многие падали на землю в порыве слепого благоговения, точно так же они поступали, приветствуя своего епископа [112]. Один буржуазный журналист задал пожилому крестьянину, состоящему в социалистическом фашио, вопрос, не боятся ли пролетарии, что Джузеппе де Феличе Джуффрида, Гарибальди Боско и другие молодые студенты и юристы, несмотря на свое буржуазное происхождение, все же работают на фашио, и не стремятся ли они таким образом лишь захватить места в городском совете. На что крестьянин ответил: «Де Феличе и Боско – ангелы, сошедшие с небес!» [113]

Возможно, не всякий рабочий ответил бы на этот вопрос подобным образом, но сицилийцы всегда славились своим почитанием героев. До сих пор на Юге и частично в Центре Италии, о чем знает любой посвященный, к лидеру относятся с религиозным благоговением. В Калабрии Энрико Ферри воспринимают как святого защитника от каморры. В Риме, где все еще сохранились классические языческие формы, в одной из пивных Ферри чествовали как величайшего из величайших, именем всех «пролетарских квиритов» за то, что в приступе гнева в знак протеста против наложенного на него административного штрафа он разбил окно парламентского зала заседаний, чтобы привлечь к себе внимание председателей палаты (1901) [114]. Однако такое отношение не ограничивается отсталыми регионами и не должно восприниматься как атавизм примитивной психологии. Это доказывает идолопоклонническое обожание, которым окружен в департаменте Нор – самой развитой промышленно-капиталистической части Франции – марксистский пророк Жюль Гед. В английских рабочих кварталах до сих пор разыгрывают сцены приветствия партийных

лидеров, достойные времен Лассалья[115].

Почитание лидеров сохраняется и после их смерти. Величайших из них канонизируют. Культ имени Лассалья, созданный не только фракцией графини Хатцфельд, но и «мужской линией» Немецкого рабочего союза (Швейцер), стал важнейшим фактом истории современного рабочего движения. Фанатичный энтузиазм марксистов, с которым они защищают Маркса по сей день, постепенно превращается в идолопоклонство. Когда-то христиане называли новорожденных в честь святых Петра и Павла, сегодня же в значительной части Центральной Италии, где силу набирают социалистические партии, родители-социалисты все чаще называют своих младенцев Лассало или Марксина. Передача имен великих почивших предводителей новым поколениям – символ новой веры. Вокруг этого идет исполненная важности и многострадальная борьба с недовольной родней и упрямыми государственными регистраторами, которая часто оборачивается плачевными экономическими последствиями, потерей работы и т. д. Пока это признак хвастливого, распространенного даже в рабочих кругах снобизма, а чаще – внешнее проявление внутреннего идеализма[116].

Но всякий раз вне зависимости от причин это проявление безграничной преданности и уважения к лидеру, сделавшему так много во благо партии. На этой почве возникают и рекламные каламбуры: «Ликер “Карл Маркс”» или «Пуговицы от Карла Маркса», объявления о продаже которых можно встретить в американских, итальянских или южнославянских социалистических газетах. Изобретательные торговцы при первой же возможности выставляют их на продажу на рабочих праздниках или собраниях [117]. Торговля ими приносит неожиданно хорошие деньги, что как нельзя красноречиво говорит о душевном состоянии пролетариата.

Массам свойственна глубокая потребность в подчинении. Их примитивному идеализму необходимы земные боги, которых они будут обожать тем беззаветнее, чем невыносимее будет становиться их жизнь. Парадоксальное замечание Бернарда Шоу о том, что аристократия – это всегда группа идолов, а демократия – в противовес ей – группа идолопоклонников, не лишено зерна истины [118]. Зачастую потребность в поклонении – единственный *rocher de bronze*, который способен пережить все изменения в мировоззрении масс. Фабричные рабочие Саксонии в последние десятилетия превратились из благочестивых протестантов в социал-демократов. Возможно, с этим превращением и была связана переоценка ими своих ценностей. Но даже если так, они всего лишь повсеместно заменили изображение Лютера портретом Бебеля. В итальянской Эмилии, где крестьянские рабочие переживают те же изменения, святую Мадонну потеснил великий Прамполини, на Юге Италии веру в закипающую кровь святого Януария заменила вера в нечеловеческую силу бича каморры – Энрико Ферри. Под руинами устаревших мировоззрений масс осталась нетронутой триумфальная колонна потребности в преклонении. Массы относятся к своим предводителям так же, как античный скульптор к созданной им скульптуре Юпитера-Громовержца, перед которой он молитвенно рухнул на колени. Преклонение, однако, порождает в объекте культа манию величия[119]. Безграничное, не лишенное комичности высокомерие, которое мы нередко встречаем у некоторых лидеров современных масс, рождено не только их самодостаточностью, но и восторженным благоговением массы. Высокомерие, однако, обладает сильным суггестивным влиянием и потому, в свою очередь,

воздействует на массы и благодаря их восторгу и вдохновению становится новым источником власти.

## ГЛАВА V. Дополнительные лидерские качества

Одно из важнейших лидерских качеств, особенно на начальных этапах формирования рабочего движения, – ораторское искусство. Никакая масса не может игнорировать эстетические и эмоциональные достоинства речи. Силой слова можно вдохновить массы, а вдохновенность подчиняет их оратору [120]. В этом суть демократии, которая стремится к массовому воздействию – как устному, так и письменному: слово в этом отношении обладает невероятной политической мощью. В демократической системе журналисты и ораторы – прирожденные лидеры. Франция: Гамбетта, Клемансо; Англия: Гладстон, Ллойд Джордж; Италия: Криспи, Луцатти. В государствах с демократической формой правления бытует мнение, что лишь тот, кто наделен ораторским талантом, способен управлять делами государства[121]. То же верно и для больших демократических партий. Во Франции Эрнест-Шарль в ходе изучения условий труда депутатов сделал наблюдение, согласно которому почти все представители молодых и неистовых прогрессивных демократических партий – красноречивые журналисты. Это касается и социалистов, и националистов, и антисемитов[122]. Современная история политического движения рабочих подтверждает это наблюдение[123]. Жорес, Гед, Лагардель, Эрве, Бебель, Ферри, Турати, Лабриола, Рамзи МакДональд, Трульстра, Генриетта Роланд Холст – все они, каждый по-своему, – выдающиеся ораторы.

Уважение, которое оратор внушает аудитории, безгранично. При этом массы ценят именно ораторские способности говорящего как таковые: красоту или мощь его голоса, находчивость, чувство юмора. На содержание они не обращают особого внимания. Крикун, который, как ужаленный, бегаёт с места на место, чтобы распинаться перед народом – как жаловался один из итальянских социалистов, – производит впечатление прилежного, «деятельного» боевого товарища, тогда как на того, кто, сидя за столом, решает действительно важные вопросы и больше работает, чем говорит, смотрят свысока и редко воспринимают всерьёз[124].

Разумеется, притягательная сила ораторского искусства воспринимается массами как увертюра к длительному периоду разочарования из-за того, что за ней, как правило, следуют невыразительные поступки или подлый характер говорящего. Но зачастую массы, поддавшиеся очарованию оратора, настолько загипнотизированы, что видят в нем, словно в увеличительном зеркале, самих себя [125]. Их удивление и восхищение говорящим в результате оказывается восхищением самими собой, которое создает оратор, выступая и обещая действовать от имени масс, то есть от имени каждого отдельного слушателя. Властные полномочия, которые толпа передает оратору, возникают из неосознанного эгоизма.

Личностные качества, благодаря которым один человек берет верх на массах и которые можно, таким образом, рассматривать как лидерские качества, весьма разнообразны. Необязательно, чтобы у лидера они присутствовали все до единого. Необходима прежде всего энергия воли, которая подчиняет себе более слабую волю; располагают и выдающиеся знания, непреложная сила убеждения, сила идей, которая часто граничит с фанатизмом и своей интенсивностью удерживает внимание масс, добросовестность, уверенность в себе, иногда даже граничащая с высокомерием, которое передается слушателям [126]. В единичных случаях к этим качествам даже относятся доброта и бескорыстие, то есть качества, которые напоминают массам об Иисусе Христе и с новой силой пробуждают в них не умершие, но дремавшие религиозные чувства.

Больше всего, однако, массы подвержены воздействию популярности. Влияние одного мнения на другое всегда осуществляется только при поддержке еще нескольких мнений, в результате эти ощущения отражаются в ощущениях индивида, даже без его ведома [127]. Поэтому известному человеку для создания политического образа достаточно лишь взмахнуть рукой. Предложить известному человеку почетную должность в партии – это большая честь для масс.

Массы гибнут перед славой в три погибели. Любой, чью голову венчает лавровый венок, а *proci* воспринимается ими как полубог. Если он снизойдет до того, что захочет взять на себя власть, ему обеспечено восхищение масс, их восторг, и совершенно не важно, находится ли тот лесок, в котором он нарвал лавр для своего венка, в сфере их интересов, граничит с ней или вовсе ее не касается. Разбудить массы рабочих, которые так сладко спят на буксире государственной демократии, и собрать их вокруг себя удалось только такому прославленному поэту, философу и поборнику слабых, как Фердинанд Лассаль. Лассаль и сам прекрасно осознавал и ценил пропагандистское влияние, которое оказывало на рабочих его громкое имя, он неустанно этим пользовался [128]. В Италии стоило только известному молодому профессору, создателю современного уголовного права Энрико Ферри представиться членам рабочей партии (на съезде в Эмилии в 1893 году), как ему тут же доверили руководство партией на 15 лет вперед. То же самое произошло со всемирно известным антропологом Чезаре Ломброзо и выдающимся писателем Эдмондо де Амичисом. Стоило им только отправить поздравительные телеграммы и в письменной форме выразить симпатию социалистической партии, как один из них был избран первым партийным советником, а второго возвеличили до «официального Гомера пролетариата». Философ и радикальный политик Жан Жорес, равно как и известный писатель Анатоль Франс, безотлагательно получили места в первых рядах французского рабочего движения, стоило им только там появиться. Английский поэт Уильям Моррис начал пользоваться большим успехом среди пролетариев, как только под конец жизни решил посвятить себя социалистической агитации, равно как и голландские поэты Герман Гортер и Генриетта Роланд Холст, решившие примкнуть к социал-демократам. В молодой Германии великие люди, находящиеся в зените своей славы, пока не рискуют переходить Рубикон социализма. Однако нет никакого сомнения в том, что, вступи Герхард Гауптман после успеха его «Ткачей» или Вернер Зомбарт после его сенсационного дебюта в ряды социал-демократов, вскоре они уже возглавляли бы три миллиона человек. В глазах народа ничто не дает большего права претендовать на власть, чем поддержка со стороны ставших своими знаменитостей. Они уже «прибыли». Рядовые члены партии инстинктивно предпочитают

тех, кто оказался в партии, уже имея славу и полное право на бессмертие, а вовсе не своих лидеров, которые заработали имя своей партийной деятельностью, после долгих лет тяжелой и упорной работы. Привнесенная слава значит для них куда больше, чем заслуженная.

Но нельзя упоминать это явление, не упомянув и другие, сопутствующие ему. Опыт учит нас, что между лидерами, сформировавшимися внутри партии, и теми, кто пришел извне, возникают разногласия, которые вскоре принимают форму полноценной борьбы за гегемонию. С одной стороны, ее причина в зависти, с другой – в мании величия. Но ее можно объяснить также тактическими и материальными причинами. Преимущество большого человека, ставшего большим внутри партии, в том, что он знаком с психологией масс и историей движения, он знает, как устроена программа партии, в отличие от того, кто снискал себе славу «на стороне».

В борьбе между двумя слоями партийного руководства можно выделить два этапа. Сначала вновь прибывшие лидеры пытаются вырвать власть из рук партийных руководителей, оттесняют их и под одобрительные возгласы толпы проповедуют собственное Евангелие, озаренное светом извне. В это время старые лидеры с остервенением хватаются за оружие и, объединившись – сначала незаметно, – переходят в контрнаступление. Здесь на их стороне количественное преимущество. Новые лидеры часто напуганы, так как оказываются неготовыми противостоять этим опытным воинам, которых они в глубине души презирают. Поэты, ученые, эстеты не очень знакомы с тактикой ведения боя и этим дискредитируют себя в глазах масс, они не привыкли к постоянному противостоянию. История заканчивается всегда одинаково: «большие люди» с разочарованием и злобой покидают партию или кое-как продолжают агитационную работу самостоятельно. В любом случае их оттесняют на задний план. Фердинанд Лассаль уже встречался со своим Юлиусом Фальтайхом. Ему почти удалось избежать борьбы, но, проживи он чуть дольше, ему бы не удалось избежать ожесточенных боев с Либкнехтом и Бебелем. Уильям Моррис после разрыва с лидерами английской рабочей партии руководил небольшой гвардией интеллектуалов в Хаммерсмите. Энрико Ферри, поначалу столкнувшийся с холодным недоверием старых лидеров партии, допустил несколько теоретических и практических ошибок, которые в итоге уничтожили его шансы стать партийным руководителем. Гортер и Генриетта Роланд Холст после нескольких лет вдохновенной работы были загнаны в угол партийной администрацией.

Власть славы, завоеванной за пределами самой партии, всегда недолговечна. Совершенно не важен возраст руководителя партии. Раньше говорили, что седина – венец славы. Однако сегодня в огромном опыте уже нет нужды, потому что нам доступно невероятное количество формальных элементов просвещения, и даже молодежь в течение короткого времени может освоить все сокровища знания[129]. Сейчас возраст уже потерял свою ценность и, следовательно, уважение, которое внушал, влияние, которое оказывал. Можно было бы сказать, что почтенный возраст мешает продвижению в партии, как он мешает в любой другой карьере, которую стоит начинать в молодости, так как эта лестница слишком длинна. Это актуально, по крайней мере, для хорошо организованных партий или партий, куда стремится попасть множество людей. Конечно, все иначе для тех, кто состарился на посту руководителя партии. Возраст здесь – один из важнейших элементов власти. Молодость подчиняется зрелости. Не только из-за благодарности масс, но из-за того, что

пожилой руководитель значительно лучше разбирается в своем деле. Давид Юм рассматривал проблему превосходства пожилых в сравнении с молодыми на примере сельского хозяйства. На урожай влияют солнце, дождь и почва, и с опытом можно научиться понимать эти закономерности и управлять ими[130]. То же верно и применительно к пожилым руководителям партий. Им известны взаимосвязи между причинами и результатами массовой политики, к тому же на практике они более чутки по сравнению с молодежью.

# В. Интеллектуальные причины возникновения

## Культурное превосходство профессионального руководства и его неизбежность: фактическая и формальная некомпетентность масс

На заре истории партии, когда ее численность была невелика, а главной задачей была социалистическая пропаганда, количество профессиональных лидеров уступало количеству руководителей, занятых делами партии на добровольных началах. На более поздних этапах оказывается недостаточно энтузиазма и идеализма интеллектуалов, благих намерений и добровольной работы пролетариев, посвящающих свое свободное время работе в партии. За неполной занятостью следует полная, за дилетантизмом – профессиональная специализированная работа.

Формирование профессионального руководства приводит к серьезным культурным различиям между руководителями и рядовыми членами партии. Богатый исторический опыт учит нас, что к важнейшим составляющим власти меньшинства над большинством относятся три элемента: деньги и ценности, то есть экономическое превосходство; традиции и преемственность, то есть историческое превосходство, а также важнейший фактор – формальное образование руководства, то есть так называемое интеллектуальное превосходство. В партиях пролетариата интеллектуальное превосходство руководителей очевидно с первого взгляда.

Это превосходство носит исключительно формальный характер. Оно весьма очевидно в тех странах (например, в Италии), где из-за особенностей политического развития и психологической предрасположенности представителей класса, который мы называем буржуазной интеллигенцией, именно его представители – адвокаты, врачи, профессура – пополняют ряды рабочей партии. Дезертиры из буржуазных слоев становятся руководителями пролетариев не вопреки, а благодаря полученному во вражеском лагере формальному образованию. Однако в других странах буржуазия находится в непримиримом противостоянии по отношению к пролетариям, а те, кто решился сменить лагерь, подвергаются политическому и общественному бойкоту. В то же время рабочий класс отчаянно стремится получить – пусть и примитивное – образование, оказываясь под

давлением организованного государственного устройства и требований, предъявляемых крупной индустрией к определенной квалификации своих сотрудников. В этих странах в руководстве партий наряду с небольшим количеством интеллектуалов есть и бывшие рабочие. Но они уже находятся на другой образовательной ступени в отличие от своих бывших классовых товарищей. Партийная машина привлекает многих, так как предлагает рабочим оплачиваемые и престижные рабочие места, а также возможность карьерного роста. Но она же превращает целый ряд более или менее одаренных пролетариев в мелкобуржуазных чиновников, предоставляя им возможность получать дальнейшее образование за счет масс и лучше разобраться в принципах устройства общественной жизни (см. ч. IV, гл. 5). В то время как массы из-за занятости на работе и повседневных забот далеки от политической суеты, в особенности касающейся партийного аппарата, лидеры партии благодаря своему новому статусу, наоборот, обязаны теснейшим образом узнать политический механизм. Таким образом, бывшие рабочие довольно быстро осваивают сначала теоретические, а затем и практические знания, которые со временем становятся основой их превосходства над подчиненными. Чем сложнее устроена партия и вносимые законопроекты, чем быстрее рутинизируется партийная работа и чем большей компетенции она требует, тем быстрее растет дистанция между руководителями и рядовыми членами партии. Эта дистанция становится настолько большой, что руководители теряют ощущение принадлежности к классу, который представляют, в результате возникает настоящее классовое различие между экс-пролетариями в руководстве и рядовыми пролетариями партии. Так рабочие собственными руками создают новых господ, в руках которых образование становится главным оружием.

Влияние руководителей рабочего движения распространяется не только и не столько на управление профсоюзами или партиями, на партийную прессу, сколько на представительство движения в парламенте.

Сегодня все партии стремятся к парламентаризму, за исключением политически беспомощных анархистов, которые упорно сопротивляются любой системе или состоят в таких неорганизованных союзах, которые вряд ли можно считать полноценными партиями. Путь, который избрали остальные партии, можно назвать легально-электоральным. Их промежуточная задача - влияние в парламенте, конечная цель - так называемый захват политической власти. По этой причине представители даже революционных партий вступают в законодательные органы. Парламентская работа, за которую они берутся сначала против собственной воли [131], а потом все с большей охотой и самоотверженностью, все сильнее отрывает эти партии от их избирателей. Вопросы, с которыми к ним обращаются, требуют внимательного изучения, а поиск решений расширяет и углубляет их знания, что тоже отдаляет их рядовых соратников по партии в регионах. Руководители становятся еще более образованными, чем были раньше. А образование укрепляет их власть над массами.

Чем глубже они погружаются в детали политической жизни, вопросы налогообложения, подробности таможенной и внешней политики, тем более незаменимыми они становятся, по крайней мере до тех пор, пока избиратели держатся за парламентский строй, однако их влияние выходит и за его пределы. Теперь лидеров уже не заменить другими членами партии, не посвященными в бюрократические тонкости и занятыми своими повседневными

делами[132]. Компетентность в решении сложных и не доступных большинству вопросов гарантирует несменяемость руководства, что противоречит основным принципам демократии.

Фактические знания, которые возвышают лидера над массами и заставляют их подчиняться, поддерживаются и политической рутинной, и социальными навыками, которые он приобретает во время работы в парламенте, в особенности тем профессионализмом, который он получает на закрытых заседаниях парламентских комиссий[133]. Освоенные здесь приемы он применяет и внутри партии, а потому ему значительно проще справиться с потенциальными оппозиционными настроениями [134]. Партийные руководители в совершенстве овладели искусством организации собраний, наведением и сохранением общественного порядка, весьма преуспели в примирении противоборствующих сторон, они способны сгладить обсуждение спорных вопросов или склонить на свою сторону возмущенное большинство либо на худой конец заткнуть ему рот. Средства для достижения их целей неисчерпаемы. От ловко сформулированного вопроса на голосовании до суггестивного воздействия на толпу с помощью не относящихся к делу, но весьма волнующих аргументов. Политики выполняют функцию референтов, которые знают обо всех подводных камнях обсуждаемых вопросов; с помощью недомолвок, иносказаний, своей терминологической изобретательности они могут превратить самые простые вопросы в великую тайну, доступную только им. В результате, вместо того чтобы стать «теоретическими представителями» больших масс, лидеры становятся для них совершенно недоступными и неподвластными. Они полноправные хозяева ситуации.

Неподконтрольность депутатов растет благодаря тому, что их привилегированное положение окружено ореолом славы, ораторской или экспертной, либо просто их личным обаянием, как интеллектуальным, так и физическим. Отставка признанного всеми лидера может сильно дискредитировать партию в глазах широкой общественности. Партийные массы были бы во всех смыслах обезглавлены, если бы довели до конца свой разрыв с руководством. Это нанесло бы им серьезный политический вред, и не только потому, что они потеряли бы значительное количество профессиональных кадров, которые смогли бы заменить прежних руководителей и их многолетний опыт, но и потому, что они обязаны большей частью достижений в сфере общественного законодательства и установлением всеобщих политических свобод именно личному авторитету партийных старожил в парламенте. Таким образом, демократические массы находятся в весьма затруднительном положении: они чувствуют себя обязанными сохранить своих выдающихся лидеров на позициях власти и похоронить тем самым все демократические принципы. Законное право партийного руководителя в том, чтобы утвердить собственную незаменимость. Незаменимость подчиняет себе всех господ и властителей[135]. В истории рабочих партий чуть ли не каждый день появляются примеры действий руководителя партии, которые нарушают ее основные законы. Однако массы не собираются делать из этого никаких выводов, ведь они вознесли его над собой, доверили ему поиск пути и решения, они уже не могут обойтись без его богатых знаний и опыта, к тому же под рукой у них нет достойной замены. Целый ряд ораторов в парламенте, некоторые руководители профсоюзов как на словах, так и на деле зачастую с очевидностью противоречат массам, которые они представляют, но это не мешает лидерам и дальше действовать от их имени. Массы ошарашены и возмущенно следят за происходящим, но, как правило, не решаются отречься

от своего «большого лидера».

Абсолютная некомпетентность масс укрепляет власть руководителя и в то же время полностью ее оправдывает как в аспектах практической политики, так и в аспектах морали. Функциональная неспособность масс самостоятельно вести свои дела порождает необходимость в защитнике. И тот факт, что руководители во многом навязывают себя массам, не выглядит таким уж пагубным. Совершенно свободный выбор руководителя как бы предполагает, что массы в состоянии распознать компетентность лидера (то есть проявить собственную компетентность): *la designation des capacites suppose ellememe la capacite de la designation.*

Осознание несамостоятельности масс и практической нереализуемости принципов народного суверенитета привело выдающиеся умы к идее ограничения демократии ради установления демократии (см. ч. III, гл. 2). Кондорсе утверждает, что массы должны сами решать, в каких случаях им следует отказаться от своего права принимать решения[136]. Это означает добровольный отказ суверенных масс от собственного суверенитета. Французская революция, которая стремилась на практике воплотить свободную власть народа и уравнивать человеческие права, основным законом которой была переменчивая народная воля, на национальном собрании постановила отправлять на гильотину тех, кто высказывался за восстановление монархии[137]. Способность масс принимать решения, таким образом, была парализована с помощью военно-юридических мер. Даже Виктор Консидеран, этот фанатичный сторонник принципов народовластия, не мог не согласиться с тем, что государственная машина оказалась тяжелее и неповоротливее, чем можно было бы предположить, и народ не в состоянии справиться с ней самостоятельно, а потому необходимо избрать группу людей, которая занялась бы точной формулировкой законов, принятых в качестве волеизъявления народа[138]. Каутский усматривал подобные же проблемы в рабочем движении и отстаивал позицию, что не любая сфера общественной жизни предназначена для демократического управления. Демократия возможна, лишь когда каждый способен принимать самостоятельные решения и будет тем эффективнее, чем важнее согласие и кооперация всех заинтересованных в обсуждаемой области сторон.

Некомпетентность масс, которую, в конце концов, осознает каждый лидер, используется в качестве теоретического оправдания фактической власти партийного руководства. В Англии, где Томас Карлейль развивал свой «культ героев» (в отличие от Германии, где эта доктрина была полностью исключена социал-демократией из исторического материализма), социалисты всех партийных направлений открыто заявляют: реконструктивная демократия должна быть сходна с благосклонным деспотизмом. «Он (деспот) работает в соответствии с конкретным планом и обладает достаточной властью, чтобы осуществить свою волю»[139]. Во всех вопросах управления, в тактических и административных делах, в любой области, где для принятия решения необходимы специальные знания, а для воплощения этих решений необходим авторитет, необходима и диктатура, то есть отказ от основных принципов демократии. С демократических позиций это может восприниматься как зло, но это необходимое зло. «Социал-демократия» означает не решения, принимаемые посредством народа, а решения для народа[140]. Следовательно, решающую роль здесь играют добрая воля и проницательность руководителей. Большинство определяет лишь общую линию, все тактически важные решения принимаются именно руководителем.

Небольшому количеству членов – Белфорт Бакс предлагает, что всего трем, – надлежит решать политические вопросы от лица всей партии. Социал-демократия – не демократия, а партия, ведущая борьбу за демократию. Демократия – это цель, а не средство[141]. Она не может быть средством, так как социал-демократическая партия – это организация с конкретными финансовыми обязательствами, созданная для достижения идеологических целей, но ее успех зависит не только от воздействия экономических сил, но и от личных качеств тех, кто ее возглавляет. Вновь вспоминается тезис о том, что ни одно предприятие не будет работать без управляющего всеми делами, то есть без предпринимателя. В соответствии с параллельными процессами в экономической сфере и увеличением количества рабочих организаций должны расти ценность, значимость и важность руководителя партии[142].

Благодаря принципу разделения труда возникает специализация. Поэтому не будет ошибкой сравнить руководителя партии с профессиональным врачом или компетентным химиком[143]. Но специализация также означает авторитет. По аналогии с тем, как мы прислушиваемся к советам врача потому, что он благодаря своему образованию разбирается в устройстве человеческого тела лучше, чем его пациент, политические пациенты должны довериться своему партийному руководителю и его профессионализму.

Так, в конце концов, демократия превратилась бы во власть лучших, в аристократию. Руководители – лучшие, как профессионально, так и морально превосходящие всех остальных, следовательно, они не только вправе, но и обязаны добиться признания не только в качестве представителей партии, но и в качестве индивидов, полностью осознающих собственное личное превосходство [144].